

- ¹³ История Норвегии. С. 144.
- ¹⁴ Ковалевский С. Д. Шведские областные законы как исторический источник // Средние века. М.: Наука, 1971. Вып. 33. С. 287–301.
- ¹⁵ Стеблин-Каменский М. Вступительная статья // Исландские саги. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956. С. 8–9.
- ¹⁶ История Норвегии. С. 156.
- ¹⁷ Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье. С. 14–18.
- ¹⁸ Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельникова. М.: Логос, 1999. С. 426–441.
- ¹⁹ Лебедев Г. С. Балтийская субконтинентальная цивилизация раннего средневековья // X Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. С. 158.
- ²⁰ Сванидзе А. А. Средневековый город и рынок в Швеции. М.: Наука, 1980. С. 7, 8.
- ²¹ Власова Т. В. Физическая география материков. М.: Просвещение, 1976. С. 130.
- ²² Носов Е. Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории Средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М.: Русские словари, 1999.
- ²³ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. С. 171.
- ²⁴ Там же. С. 168.
- ²⁵ Носов Е. Н. Речная сеть Восточной Европы... С. 167.
- ²⁶ Носов Е. Н. Речная сеть Восточной Европы... С. 168.
- ²⁷ Янин В. Л. Новгородские посадники. М.: Изд-во МГУ, 1962. С. 52–54.
- ²⁸ Ниссен Жюбер А. Скандинавы в Европе: археологическое измерение // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 240.

О. В. Скобелкин

КОНТАКТЫ СЛУЖИЛЫХ «НЕМЦЕВ» С ПОСОЛЬСКИМ ПРИКАЗОМ В 10–20-Х гг. XVII ВЕКА

Посольский приказ был первым центральным ведомством, с которым приходилось иметь дело каждому приехавшему на службу в Россию иностранцу. Сразу же по пересечении границы «выезжий» иноземец попадал в ведение уездных воевод, которые, выяснив цели его приезда, докладывали в Посольский приказ. Именно там принимали решение о пропуске иностранца внутрь страны.

Если в пограничном городе находился кто-то из иностранцев, пользующийся доверием руководителей Посольского приказа, то его использовали, чтобы выяснить, что представлял собой приезжий. Так, в 1617 г. Посольский приказ поручил двинским воеводам обратиться к отъезжавшим в Англию русским послам, чтобы те узнали у английского посла Дж. Меррика (он покидал Россию вместе с ними) про двух приезжих англи-

чан, «какие оне люди и чего от них чаять, не начает ли в них какие смуты и воровства». При этом русские послы должны были спрашивать «от себя», не показывая того, что эта информация интересует Посольский приказ. Из беседы с Мерриком выяснилось, что «те выезжие немцы люди худые, зерщики, воры; государю де в них службы и прибыли не будет, что б де государь их велел воротить назад». После этого обоих англичан под охраной пристава передали английскому послу, и тот, «тех немец взяв, отослал тотчас на карабль»¹.

Если в Москве принимали решение принять иноземца, то в пограничный город направлялось распоряжение о его отправке под охраной приставов в Первопрестольную. Последние должны были доставить приезжего непосредственно в Посольский приказ.

Здесь происходил новый допрос иноземца, причем более подробный, нежели в пограничном городе. Еще раз выясняли цель приезда, а также: место рождения; социальный статус отца и ближайших родственников; этапы предшествующей службы – страны, где служил и войны, в которых участвовал; воинские должности, звания и жалованье, которые приезжий имел до своего прибытия в Россию. Все вместе это обозначалось термином «служба и отчество».

Самый ранний из известных нам случаев подобного допроса относится к 1614 г., когда на службу принимали англичанина «князя» Артура (в русских документах его часто именовали Артемьем) Астона, шотландца Якова Шава и их товарищей. Они приехали в Россию еще в 1612 г. и до официального принятия в службу уже успели поучаствовать в боевых действиях на стороне правительственных войск². Вот что показали эти иноземцы, оказавшись в Посольском приказе: «А сказал князь Ортемей про себя, что он родом агличанин, рыцерского роду, да и сам он рыцерь, служил аглинскому королю и жил при короле блиско, а был дворянин комнатной. А про отчество его и про службу, и в какове мере он был при короле, и каково королевское жалованье к нему было, сказал, ведамо подлинно аглинскому послу князю Ивану Мерику, да аглинскому гостю Фабину Ульянову... Сказал про себя сам ротмистр Яков Шав: родом Шкотцкие земли, служил розных государств государем – аглинскому и шпанскому, датцкому, свейскому королем, да галанскому князю. А про отчество и про службу сказал: ведаемые свидетели – аглинской посол князь Иван Ульянов, да галанского князя посланник Исак Аврамов, да галанской гость Карп Демулин... Яковлев племянник Джан Кар сказал про себя: родом Шкотцкие земли, шляхта, преж сего служил у курфистра Брандерборского во дворе. А про отчество его сказал: ведамо аглинскому гостю Ивану Ульянову, да князю Артемью, да дяде его Якову Шаву... Прапорщик Джан Графин, родом сказался агличанин, преж сего служил аглинскому и свей-

скому королем и галанскому князю... Вилим Графин, родом агличанин, шляхта, служил аглинскому королю и галанскому князю... Томас Герн, родом Шкотцкие земли, служилой человек, служил в Прусской земле... Юрьи Дромонт, шкотчанин, служилой человек, служил преж сего в Прусской земле... Индрик Индриков, прущанин, отец его был в Прусской земле торговой человек, полатник, а он служил в Прусской земле... Давыд Форсей, родом Шкотцкие земли, шляхтич... Томас Матвеев, отец его был в Цесарской земле торговой человек, а он выехал на государево имя с ротмистром с Яковом Шавом»³.

В 1618 г. шведский военнопленный Анц Юхом, который после подписания Столбовского мира обратился с просьбой принять его на русскую службу, «у выписки» в Посольском приказе показал: «Родом Цесаревы земли, отец де его был у цесаря дворянин и служил отец его и он, Анца, в Цесарева земле конную службу на 3-х конех; а у свейского служил конную ж службу на 3-х же конех, а шло ему от свейского короля на месяц по 15 ефимков, а на лошади давано овес и сено»⁴.

В 1619 г. подобной процедуре подвергся иноземец Юрий Граб, который «у выписки» в Посольском приказе «сказался родом Цысаревы земли, отец был у цесаря ротмистр конных немец и служил на 6-ти конех; да он, Юрья, в Цесаревой и в Свейской земли служил конную ж службу на 4 конех, а шло ему в Цесарех и в Свее найму на месяц по 15 ефимков, а на лошади даван овес и сено»⁵.

В 1622 г. в Посольском приказе был «роспрашиван» капитан Франц Беннев. Иноземец так описал свою биографию: «Родом Цесаревы области волного города Статина... наперед сего служивал свейскому королю в Новегороде 3 годы, как был Новгород за свейским... А был в полку с Яковом Пунтусовым. А как служить не похотел, и его де Яков Пунтусов из Новогорода отпустил и отпускную грамоту за своею рукою и за печатью дал. И та грамота и ныне у него есть. А после отпуска Якова Пунтусова служил он во Гданске из найму бурмистром и ратманом 4 годы. И из Гданьска его отпустили и отпускную ему дали ж. А как из Гданьска поехал... служил в Слеской земле полгода. А Слескою землею в те поры владел, да и ныне владеет чешской король Фредрик палцграф Ренский. А после был в Статине, и из Статина ездил наимаца в службу к датцкому королю. И в Датцкой земле в службу его не приняли, и он из Датские земли приехал назад в Статин. А из Статина поехал в Московское государство на государево имя»⁶.

Приехавший в Россию в 1627/28 г. шотландец Роберт Кар «в Посольском приказе у выписки сказал, что он... в Аглинской земле был служилой человек, служил у аглинского короля во дворянх ближних... а отец де его был в Аглинской же земле у короля в ближних в больших дворянх, чест-

ной великой человек; а дядья де иво, отцу его родные братья – князь Роборт Кяр, да князь Иван Геб – ныне у аглинского ж короля в ближних боярех»⁷.

Все эти данные были необходимы для того, чтобы определить статус приезжего относительно тех иноземцев, которые уже находились на русской службе (кому приехавший «службой и отечеством в версту»), и, соответственно, размеры жалованья, которое ему нужно было назначить.

По возможности Посольский приказ старался проверять сведения, сообщенные «нововыезжими» иноземцами. Для этого он обращался к так называемым «знатцам» – иностранцам, уже находившимся в России, которые ранее были с ними знакомы. Так, в случае с уже упоминавшимся отрядом Астона в момент их допроса осенью 1614 г. в Москве, по-видимому, не было служилых иноземцев, которые смогли бы подтвердить их «службу и отечество». Не случайно, что и сам Астон, и капитан Шав ссылались на хорошо известных в России английского посла Дж. Меррика (Ивана Ульянова), английского купца Фабиана Смита (Фабина Ульянова), голландского купца Карла де Молина (Карпа Демулина), а также на голландского посланника Исаака Массу (Исака Аврамова). Руководство Посольского приказа обратилось к Ф. Ульянову. «И аглинской гость Фабин про князе Артемьиво и про ротмистра Якова Шава с товарищи про отчество и про службу, и в какове мере они у Якуба короля были, спрашиван. А в роспросе сказал про князя Артемья, что князь Артемей родом агличанин рыцерского роду, честной человек, издавна жил при короле Якубе и ему служил, бывал в столниках и в чашниках; а после был моршалком, а по их чину в дворецком место, ходя перед королевским кушеньем, как х королю понесут кушенье, и жил при короле блиско, и в комнату х королю ходил, и король его за отчество и за службу жаловал и имел рыцарем. А про Якова Шава сказал, что он родом шкотчанин, честной человек и в службе и в воинских делах смышлен и был ротмистр»⁸.

К Ф. Смиту как к «знатцу» обратились и в 1615 г., когда несколько человек, приехавших в Россию вместе с английским послом Дж. Мерриком, направили в Посольский приказ просьбу принять их на русскую службу. Купец «про выезжих агличан» «сказал», что «Барноби Иванов родом шляхтич чесново дому, перед Яковом Шавом поменьши службою, а отчеством и больши Якова. Про Ивана Фельтина сказал, что родом шляхтич же, агличанин, только во всем не таков, поменьши Барнобия. А Иван Петров служивой ж человек, средней и поменьши во всем Иван Фельтина»⁹. Любопытно, что здесь Ф. Смит в качестве своеобразного эталона использует «службу и отечество» своего знакомого – капитана Я. Шава, который к этому времени уже находился на русской службе и был поверстан жалованьем.

В том же году роль «знатца» исполнял вернувшийся из Англии сын Артура Астона «князь Ортемий» Астон, который незадолго до того вмес-

те с отцом, Я. Шавом и еще рядом иностранцев поступил на русскую службу. Он ездил на родину за матерью, там женился и вернулся в Россию с супругой и несколькими земляками, которые также хотели поступить на службу московскому государю. В Посольском приказе «про отечество их князь Ортемий сказал: королевской дворянин шурин иво Томос Сентпал, отец иво был рыцарь и уездной воивода и комнатной дворянин... Шляхтич Ян Вуджет, да Фрянсис, отцы их были у короля дворяня, а оба они в версту Яковлеву племяннику Шава Джан Кару, и жалованье им на приезде дано против его»¹⁰.

Помимо сведений личного характера Посольский приказ старался получить от приезжего информацию о текущей международной ситуации – «вести». Примерами тому могут служить «расспросы» датчанина Анца Матвеева Локмана в 1617 г., а также уже упоминавшегося «цесарца» капитана Ф. Беннева в 1622 г., который рассказал о чешском короле, о шведско-польской войне, а также об отношениях Турции с Речью Посполитой и императором¹¹.

Поступившим на русскую военную службу иноземцам за сам факт приезда («выход» или «выезд») полагалось разовое «выходное» жалованье (обычно деньги и ткани). Решение о его выплате и размерах принимали в Посольском приказе.

Денежные выплаты, как правило, производились из Большого прихода. Однако, в последний период Смуты, когда финансы находились в полном расстройстве, эту обязанность возлагали и на другие приказы, у которых порой не было необходимых наличных средств. В таких случаях Посольский приказ брал на себя роль кредитора соответствующих ведомств. Так, в мае 1615 г. группе иноземцев из Костромской и Галицкой четвертей следовало выплатить «выходное» жалованье. Однако, ни в том, ни в другом приказе денег «в зборе» не оказалось. Тогда руководители обоих ведомств обратились к П. Третьякову и С. Романчукову с просьбой предоставить обеспечение из денежных фондов Посольского приказа, обещая, «а как... деньги в зборе будут, и те деньги к вам пришлют тотчас». Резолюция на это просьбу гласила: «Дать займ ис Посольского приказу тотчас»¹².

Помимо «выходного» жалованья Посольский приказ назначал принятому на службу иноземцу и будущее постоянное жалованье, мог поверстать поместьем и денежным окладом. Обо всем этом делалась запись в «записных книгах». Другие приказы (особенно Иноземский) впоследствии обращались в Посольский приказ, чтобы уточнить размеры содержания того или иного иностранца. Так, в конце 1618 г. шотландский капитан Я. Шав, назначенный командиром ирландской роты «бельских немцев» вместо убитого Т. Юстоса, обратился в Разряд с просьбой о предоставлении ему жалованья в том же размере, какой получал прежний ротмистр.

Разряд запросил у Посольского приказа данные об объеме обеспечения шотландца, получил ответ, что «Якову Шаву написан поместной оклад семьсот чети, денег ис Чети восемьдесят рублей», и направил эту информацию в Панский приказ¹³.

Осенью 1627 г. Иноземский приказ обратился с запросом в Посольский приказ по поводу жалования англичанина Томаса Харисона. Последнего в свое время направили на службу в Казань, а затем по ходатайству его дяди, часового мастера Х. Галовея, перевели в Москву и зачислили в категорию так называемых московских иноземцев. В документах, направленных из приказа Казанского дворца, были указаны лишь размеры поденного корма, в то время как сам Харисон заявил, что «с выезду до казанские посылки верстан он государевым жалованьем поместным и денежным окладом в Посольском приказе... и ныне де тот иво поместный и денежный оклад в Посольском приказе есть». Порядок ведения учетной документации в Иноземском приказе требовал обязательного учета размеров поместного и денежного оклада. Именно поэтому и последовало обращение в Посольский приказ. Однако в данном случае последний не смог предоставить требуемую информацию: «А поместные и денежные оклады и по сколько после их (Харисона и еще одного англичанина Джана Скрупа. – О. С.) выезду кормовых денег давано, того в тех книгах и в пометных столпах не ссысано, потому что приезд их в пожарное время згорел»¹⁴.

Разумеется, в тех случаях, когда документы с требуемыми данными были составлены после московского большого пожара 1626 г., в Посольском приказе быстро находили необходимую информацию. Например, 4 апреля 1628 г. Иноземский приказ запросил сведения о только что приехавшем шотландце Роберте Каре. Последний был направлен сюда из Посольского приказа. При этом в сопроводительной памяти хотя и указывались размеры установленного для него и его «людей» поденного корма, однако не было уточнено, «которово месяца и с которово числа и по которое число кормовые ему деньги и питье дано, и сколько человек у нево людей». Через день, 6 апреля, Посольский приказ предоставил требуемые данные¹⁵. Спустя два месяца из-за жалобы Р. Кара по поводу прекращения выдачи дров или денег за них, Посольский приказ вновь предоставлял сведения из своих «записных книг» Иноземскому приказу¹⁶.

Чтобы определить размеры любого назначаемого жалования в Посольском приказе обращались к собственному архиву и искали примеры предшествующих назначений. Затем информация обобщалась в особой выписи, которая обычно озаглавливалась «На пример» или «Выписано на пример». Так, когда нужно было назначить «выходное» жалование А. Астону и членам его отряда, приказные дельцы обратились к самым последним назначениям: «И выписаны на пример. В нынешнем в 123-м году выехали на

государево имя Шкотские земли немцы Роман Орн, Якуб Унтор, Юрьи Фаркисов, Давыд Кук, Данил Кунигом. И дано им государева жалованья всем 5-м человеком выезжего по 20 рублей человеку, да по камке, да по сукну по доброму человеку; да им же дано по 40 соболей, по 20 рублей сорок; по ковшу, по 3 рубли ковш. А поместной и денежной оклад учинен им по 400 чети, денег по 25 рублей человеку. И на нынешней на 123-й год то государево жалованье для службы им дано по окладом сполна. Да в прошлом во 122-м году выехали з Белой на государево имя два капитана, Оп да Бий, и дано им за выезд государева жалованья по 20 рублей денег, по портищу бархату рытого, по сукну по лундышу, да по лошади с конюшны человеку. Да как здали Белую немцы государевым людем, и в те поры приехали ко государю от товарищев своих порутчики Ондрей Муртя, да Ян Вуд, да шляхтичи Давыд Бысть, да Ян Бен. А государева жалованья дано всем по 30 рублей денег, по портищу бархату, по сукну по лундышу, по сорок соболей человеку. Смоленским выезжим ротмистру Бахмату, шляхту Михайлу Желобовскому за выезд дано государева жалованья по 25 рублей, да по камке, да по сукну по доброму, да по ковшу, да по сороку соболей человеку. Да им же учинены помесные и денежные оклады: Михайлу 600 чети, денег 40 рублей; Бахмату 500 чети, денег 30 рублей; а иным шляхтам по 12 рублей и по 10, и меньши, смотря по отечеству»¹⁷. Однако, когда выяснилось, что «отчество и служба» Астона никак не соответствуют этим примерам, в архиве Посольского приказа пришлось разыскивать более давние образцы, не связанные, правда, с «немцами», так как западноевропейцев такого статуса на русскую службу в обозримом прошлом еще не приезжало: «Выписано на пример ко государеву жалованью князю Артемию Астону. В прошлом в 100-м году при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси выехал на его государево имя греческой воеводин Мануило Маскополов. И дано ему государева жалованья, как был у государя на приезде: кубок двоичат серебрян, золочен, в 3 гривенки; братина серебряна, 2 гривенки; шуба отлас золотной на соболах, 50 рублей; кафтан отлас золотной в 15 рублей; кафтан, камка червчата адамашка, в 7 рублей; опашень зуфной в 4 рубли; однорятка скорлатна с пояском и с пугвицами, в 16 рублей; шапка лисья горлатна черна в 7 рублей; 50 рублей денег; аргамак, конь, мерин. Людем его лутчим 10-ти ч-м по 8 рублей, да по сукну по лундышу, да по тафте бурской; 20-ти ч-м по 6 рублей денег, да по 2 сукна настрафильных; 21-му человеку по 5 рублей, да по 2 сукна настрафильных. А волоскому воеводицю Степану Александровичю дано государева жалованья на приезде: кубок двоичат золочен; 2 братины серебряны; ковш серебрян; шуба соболя под отласом золотным; кафтан, отлас золотной; кафтан камчат на куницах; кафтан камчат желт; охабень зелен зуфной; охабень червчат с пугвицами серебряными, зуфной; однорятка червчата шарлатна с пугвицами

серебряными; однорядка зелена лундышна; шапка лисья чорна горлатна; шапка бархотна червчата с околom лисьим с черным; 10 рублей денег; аргамак, конь иноходец; санник с саньми и с полстью. Мутянскому воеводичю Петру Петрову дано государева жалованья на приезде при государе: шуба бархот з золотом на соболех в 60 рублей; кафтан золотной в 25 рублей; однорядка червчата, багрец, в 5 рублей; шапка лисья чорна в 6 рублей; кубок двоичат в пол-4 гривенки; ковш в пол-2 гривенки; 50 рублей денег; аргамак, конь, мерин. Греченину Ивану Костянтинову дано государева жалованья при государе: шуба бархат з золотом на соболех в 45 рублей; кафтан золотной в 17 рублей; однорядка червчата, багрец, в 4 рубли; шапка лисья черна в 4 рубли; кубок двоичат в 3 гривенки; ковш в гривенку; 45 рублей денег; конь, мерин. В 109-м году при царе Борисе дано на приезде при государе мутянскому воиводичю Ивану Петрову: шуба, камка золотная на соболех, в 50 рублей; кафтан камчат золотной в 17 рублей; однорядка червчата с круживом в 8 рублей; шапка лисья черна в 8 рублей; кубок серебрян золочен в 3 гривенки; 100 рублей денег»¹⁸. Судя по тому, что получил в конце концов Астон в качестве жалованья «за выезд», именно на последних примерах основывались в Посольском приказе, принимая решение.

Осенью 1615 г. нужно было назначить жалованье ирландцу Варнаве Килеварту, который сначала находился в ирландской роте «бельских немцев», перешедших на русскую службу в 1613 г., потом (по его словам) был захвачен в плен Лисовским и воевал в составе его отряда, а затем вновь перешел на сторону Москвы. За этот второй переход также полагалось «выходное» жалованье. Для поиска примеров обратились к документам о назначении жалованья членам отряда А. Астона, после чего ирландцу было решено «дать... за выезд 40 соболей в 15 рублей; камка, сукно добрые; ковш в 4 рубли; 15 рублей денег; да оклад учинить 400 чети, денег 30 рублей, и отослать и отписать в Панской приказ»¹⁹.

Данные о товарищах Астона еще не раз служили основанием для назначения жалованья иноземцам, поступавшим на русскую службу во второй половине 1610-х гг., в частности, в случае с уже упоминавшимися тремя англичанами, приехавшими в Россию с Мерриком. Тогда в качестве примера были взяты ротмистр Я. Шав, его племянник Дж. Кар, прапорщик Дж. Графин и В. Графин²⁰.

Обратились в Посольском приказе к этим данным и в 1628 г. в связи с выездом Роберта Кара. Правда, в этом случае, во-первых, такое обращение во многом объяснялось тем, что Р. Кар приходился родственником двум иноземцам из отряда Астона – племянником Я. Шаву и младшим братом Джону Кару, а, во-вторых, были привлечены еще и данные о переводчике со шведского языка А. Буке²¹.

После зачисления на службу служилые иноземцы оказывались в под-

чинении двух приказов: как иностранцы – Панского (позднее – Иноземского) приказа, как люди военные – Разряда. Именно в этих ведомствах хранилась информация о службе, изменении жалованья и т. п. Однако, до 20-х гг. XVII в. имела место определенная путаница функций между ведомствами. Порой эти данные направлялись в Посольский приказ, отчего другие приказы вынуждены были обращаться туда за сведениями. Наглядным примером здесь может послужить случай с «Цесарские земли немчином» Юрием Грабом. Он перешел на русскую службу из шведской армии в 1617 г. после возвращения Новгорода шведами по Столбовскому миру. Иноземцу сразу же пришлось принять участие в боевых действиях в составе русских правительственных войск: «И из Новгорода посылан он с товарищи своими на государеву службу на воровских казаков на Валдай. И на Валдае острог оне взяли, и ево на той службе ранили ис пищали в левую ногу, в колено». Затем «три года служил он государеву службу в Новгороде, и о той иво службе из Новгорода писано к государю в Посольский приказ». В 1623 г. он обратился в Иноземский приказ с челобитной, в которой, по-видимому, просил о повышении жалованья, мотивируя свою просьбу наличием боевых заслуг (саму челобитную разыскать не удалось; о ее содержании можно судить по памяти из Иноземского приказа в Посольский). В Иноземском приказе не располагали сведениями о службе Граба и обратились в Посольский приказ с запросом: «был ли он на Валдае, и что ево служба была»²²? В архиве последнего ведомства обнаружили целый ряд документов 1619 г., связанных с Ю. Грабом. Во-первых, имелась отписка воевод из Новгорода, в которой говорилось о том, что «послан был тот Юшка из Великого Новгорода з головою с Курапом с Мякининым на Волдай на воров, на казаков, и он... служил, и на Волдаи ево ранили». Во-вторых, в Посольском приказе хранились челобитные Граба и еще нескольких иноземцев об их приезде в Москву, по поводу назначения им жалованья и о волоките. В-третьих, по этому вопросу имелась выписка в доклад, в которой более подробно описывалась служба Граба: «И в прошлом в 125-м году посылал его Юрья Граба из Новгорода окольничий князь Данила Иванович Мезецкой в посылку с Курапом Мякининым и с ыными дворяны по Московской дороге на казачий на воровской острожок. И он де з дворяны под острожком был и государю служил, и с воровскими казаками бился, и под острожком его ранили. И от тое де раны лежал болши полутоду. А за раны и за службы и за выход оне все (т. е. сам Граб и несколько других иноземцев. – О. С.) государевым жалованьем не пожалованы». После того, как, наконец, дело из Посольского приказа отнесли «в Верх к бояром», Грабу назначили жалование, о чем свидетельствует помета: «Бояре приговорили Юрья Грабу учинить оклад и за то, что ранен, 250 четей, 15 рублев, корму по 10 денег;

выходного дати 15 рублей, камка, да сукно добрые, то и за службу»²³. В ответной памяти на запрос Иноземского приказа Посольский приказ сообщил все эти сведения, подтвердив тем самым данные, которые были получены от самого иноземца о его службе²⁴.

Имелись, правда, случаи, когда не Иноземский приказ или Разряд, а Посольский приказ вносил изменения в служебную деятельность иноземцев. Так, в 1628/29 г. по распоряжению внешнеполитического ведомства один из нижегородских иноземцев был послан с рудознатцами на Терек²⁵.

На протяжении службы в России иностранцы в большинстве своем, как правило, лично с Посольским приказом уже не контактировали. Однако в рассматриваемый период было, по крайней мере, одно исключение. В январе 1615 г.²⁶ А. Астон через переводчика П. Томосова обратился к руководству Посольского приказа с заявлением, что «есть за ним государево дело и ему б быти в Посольском приказе у них, диаков, и он государево дело им объявит». Об этом доложили царю и Михаил Федорович распорядился вызвать англичанина в приказ, чтобы расспросить. 27 января думный дьяк П. Третьяков принял Астона, «а как князь Ортемей вшел в посольскую полату, и думной диак Петр Третьяков с ним витался, и сели по местом». В начале разговора Астон сообщил, что в свите Меррика есть «агличенин шляхтич доброй, Шпетриком зовут, отецкой сын, а служил он в Свее свейскому королю. А из Сvei приехал в Аглинскую землю тому ныне третей год». По словам этого Шпетрика, в войсках Делагарди в Новгороде есть много англичан, шотландцев и голландцев, которые были бы не прочь перейти на русскую службу. Поскольку Меррик как посредник между Россией и Швецией будет посылать гонца в Швецию, то Астон предложил написать от своего имени и имени Шпетрика письмо «к тем немцом» с приглашением переходить на русскую сторону, которое следовало послать с тем же гонцом. Третьяков отклонил это предложение, объяснив, что «такое письмо к тем немцом от себя с тем гонцом послати непригоже, потому только то письмо какими мерами у того гонца возьмут, и его назовут лазутчиком, что он ездит не посольским обычаем, перезывает ратных людей на государево имя; и доброму делу меж государя и sweйского короля тем учинитца поруха. И князь Ортемей себе подумал, а подумав, говорил, что то дело правда, писма им с тем гонцом к немцом от себя послати нельзе. Только которыми мерами у него то письмо возьмут, и доброму делу всему будет поруха. И его обезчестят, и тем немцом, х кому то писмо пошлют, будет худоба». Но от идеи снестись с «теми немцами» Астон не отказался и посоветовал вместо письма «с тем гонцом приказати от себя о том речью». Третьяков пообещал доложить об этом предложении царю.

Затем Астон сообщил, что, по словам того же Шпетрика, в Англии

много «добрых людей от таковых ж версты, как он, князь Ортемей, будет», которые хотят приехать на службу в Россию, и предложил от своего имени направить приглашение и им.

Кроме того, Астон просил позволения послать с гонцом, которого Меррик направлял в Швецию, «к жене своей в Аглинскую землю грамотку». Третьяков и на эту просьбу ответил отказом, мотивировав его тем, что гонец из Швеции вернется в Москву, а в Англию не поедет. Астон резонно возразил, что из Швеции гонец может просто послать его письмо в Англию²⁷. Чем в итоге закончились эти переговоры установить, к сожалению, не удалось, так как конец дела отсутствует.

Прием Астона руководством Посольского приказа объясняется, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. С одной стороны, в представлении русских властей социальный статус английского «князя» был чрезвычайно высок, особенно в сравнении с другими служилыми иноземцами. С другой стороны, на протяжении двух лет, с момента высадки в Архангельске и до официального принятия на службу, все вопросы, связанные с отрядом Астона, решались именно в Посольском приказе²⁸, и именно в это ведомство из Холмогор в июле 1613 г. был направлен донос Астона на «плутовские дела» некоего француза²⁹, которого Г. Жордания идентифицировал как Франсуа де Лескера, агента герцога д'Эпернона и его племянника маркиза Руляка³⁰. Таким образом, английский «князь» был давно, хотя и заочно, знаком с П. Третьяковым и С. Романчуковым.

Традиционно, «выехавших на государево имя» иноземцев, не отпускали назад, и их русская служба становилась пожизненной³¹. В тех редких случаях, когда иностранец все же получал разрешение уехать, и его служба, следовательно, заканчивалась, он вновь передавался в ведение Посольского приказа. Иными словами, он переходил в то состояние по отношению к русским властям, в котором находился на первом этапе своего пребывания в России – от пересечения границы до поверстания в службу.

Примером этому может служить организация в 1617 г. отъезда домой девятерых шотландцев и одного ирландца из числа «бельских немцев». Поскольку покидать Россию они должны были морем, то из Посольского приказа двинским воеводам была направлена грамота с распоряжением «отпустить» из Архангельска отъезжающих иноземцев и выплатить им «корм» на три месяца (расчет «корма» и список его получателей составлялся в приказе Новгородской чети, которой территориально подчинялись Холмогоры и Архангельск)³². Решение об отпуске «немцев» из России было принято 22 мая, но 2 июня они еще находились в Москве, где решался вопрос о выплате жалованья³³. Судя по тому, что грамота была получена в Архангельске уже 5 июля, шотландцы и ирландец, скорее всего, привезли ее сами. В ответ на нее двинские власти должны были доло-

жить о раздаче «корма», а также сообщить в Посольский приказ, «которо-во числа немец за море отпустим, и у ково на караблех пойдут, все ли на одном карабле или порознь». Наконец, 15 октября их отписка была получена. В ней сообщалось о том, что «шкотцким и ерлянским немцом дали мы (воеводы. – О. С.)... за море корму по росписи на три месяцы. А за море пошли от Архангельского города врознь на караблех; а на которых караблех и которые немцы за море пошли и мы (воеводы. – О. С.)... послали... роспись с сею отпискою. Роспись Шкотцкие и Эрлянские земли немцом, которые по государеве грамоте отпущены от Архангельского города за море, и хто на чьем карабле пошли. Шкотцкие земли: шляхтич Якуб Шкот – на галанском карабле у Семена Андреева; Давыд Иванов сын Брун, Якуб Фарбыш, Давыд Андреев, Юрьи Симантон – все четверо пошли на барабанском карабле у карабельщика у Михаила Любки; Ян Борисов сын Арн, Давыд Иванов сын Алкет, Ян Адаманов сын Горти – все трое пошли на барабанском карабле у кормщика у Ондreja Онтонова; Вилим Иванов сын Шеир – на анбурском карабле у Ондreja Денисова. Эрлянской земли: набатчик Ян Романов сын Терел – на аглинском карабле у карабельщика у Томаса Гунта»³⁴.

Воеводская отписка с этими сведениями в Посольский приказ завершала российскую страницу жизни уехавших служилых иноземцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 69. Л. 1–2.

² Подробнее об этом см.: Скобелкин О. В. Иностранцы на русском Севере в годы Смуты // Исторические записки: Науч. труды ист. ф-та. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 5–20.

³ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 52. Л. 110–112.

⁴ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1618 г. № 2. Л. 2.

⁵ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1619 г. № 2. Л. 10.

⁶ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1622 г. № 2. Л. 2–3.

⁷ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628 г. № 75. Л. 4.

⁸ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 52. Л. 110.

⁹ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 3.

¹⁰ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1615 г. № 2. Л. 7.

¹¹ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1617 г. № 1. Л. 8–14; Ф. 150. Оп. 1. 1622 г. № 2. Л. 5–6.

¹² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1614 г. № 7. Л. 40, 40 об., 41.

¹³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 1. Л. 22, 27.

¹⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1627 г. № 79. Л. 11–15.

¹⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1627 г. № 79. Л. 88–90 об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1627 г. № 79. Л. 122–123.

¹⁷ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 52. Л. 112–115.

¹⁸ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 52. Л. 119–122.

¹⁹ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1615 г. № 3. Л. 6–8, 17.

²⁰ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 3–4.

²¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628 г. № 75. Л. 5–7.

²² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623 г. № 11. Л. 7.

²³ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1619 г. № 2. Л. 1–15.

²⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623 г. № 11. Л. 8.

²⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 905. Л. 230–231.

²⁶ В документе указан только месяц, однако есть упоминание о недавнем приезде английского посла Дж. Меррика, который прибыл в Москву 22 декабря 1614 г. (Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М., 2006. С. 55).

²⁷ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 55. Л. 1–8.

²⁸ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 52. Л. 1–126.

²⁹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1613 г. № 2. Л. 1–6.

³⁰ Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. Тбилиси, 1959. Ч. 1. С. 332–370.

³¹ Еще Генрих Штаден писал, что дорога в Россию «широка и просторна, а из страны – узкая-преузкая» (Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 84).

³² РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 69. Л. 3.

³³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 4. Л. 169 об., 175.

³⁴ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 69. Л. 3–4.

О. В. Семенов

СИСТЕМА РЕГУЛЯРНОГО СООБЩЕНИЯ В СИБИРИ И «ПРИБЫЛЬНАЯ» ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОВАЛЬСКОГО ВОЕВОДЫ Ю. Я. СУЛЕШЕВА¹

По справедливому замечанию исследователей, основная задача воеводского управления состояла в сокращении казенных расходов, увеличении налоговых поступлений и поиске новых источников дохода². За «учинение» государству «прибыли» администратор мог рассчитывать на вознаграждение, в виде подарков (шуб, серебряных кубков, мехов, сукна и т. д.), а также придачи к поместному и денежному окладам жалованья. Кроме того, успешная служба способствовала дальнейшему карьерному росту. Впрочем, как правило, правительственная установка на «прибыль» входила в противоречие с обязанностью властей заботиться о том, чтобы «земле тягости не навести». В Москве это отлично понимали, однако, чаще всего в ответ на явное ухудшение положения населения закрывали глаза. Лишь в тех случаях, когда радование об интересах казны с особенной силой ударяло по благосостоянию местных жителей, государство вынуждено было одергивать своих представителей.

Отдельное место среди сибирских «прибыльщиков» принадлежит тобольскому воеводе Ю. Я. Сулешеву (1623–1625 гг.). По справедливому замечанию С. В. Бахрушина, бурная деятельность этого выдающегося адми-